

УДК 124.5

Ценности как основание и регулятив деятельности

С.В. Голубев

Рассматривается роль ценностного фактора в структуре человеческой деятельности. Показано, что ценности являются ее необходимым условием и регулятивом, и, тем самым, важнейшим основанием социального бытия.

Общество, социальная реальность как таковая, имеет своим основанием, очевидно, деятельность индивида. Последняя, вообще говоря, есть последовательный ряд, порядок действий, определяемый той или иной целью, задающей их направленность и характер. Действия как сугубо поведенческие акты есть психическая и физическая активность (работа) в своей конкретной определенности, могущая представлять предмет интереса для психологии, физиологии, физики или иной конкретной науки. Как таковые, действия составляют содержание деятельности, постижение же сущности последней предполагает ее рассмотрение прежде всего с точки зрения формы, ибо именно форма связывает содержание в единое целое. Если содержание вообще есть совокупность элементов-частей, а действительность части придается ее включенностью в целое, то действительность всякого индивидуального социального действия требует его включенности в некое социальное целое. Иначе говоря, социальное действие как таковое может существовать лишь в качестве момента содержания определенной социальной формы, имея последнюю своим необходимым основанием.

Поскольку деятельность есть взаимодействие, ее формальное основание предполагает некоторые необходимые условия организации последнего. К их числу относится наличие ценностной составляющей (подсистемы) во всякой системе социального взаимодействия. Эта закономерность присуща не только человеческому обществу, но, в известной мере, даже животным сообществам, что достаточно убедительно показано, в частности, новейшими этологическими исследованиями.

Так, российский этолог Ю.М. Плюснин, анализируя поведение животных в аспекте его системной организации, приходит к важнейшему принципиальному выводу о необходимости ценностной составляющей в структуре любого сложного поведения. Логика здесь такова: всякое сложное поведение не только многофункционально и вариативно, но и «должно быть иерархически организовано», поскольку в каждом конкретном случае предполагает выбор одного из наличных вариантов, предпочтение одного вида поведения другому. В таком случае поведенческой системе необходим «механизм оценки приоритетов». «Иными словами, – пишет Плюснин, – сложная система должна располагать своей собственной «системой ценностей...», – и далее, – «необходимыми компонентами сложного поведения являются выбор из нескольких вариантов поведения, следовательно, наличие подсистемы ценностей в качестве регулятивного механизма» [1, с. 39–40]. Как не-

обходимый регулятив поведения человека, ценность в самом широком контексте может быть определена как то, что имеет значение для воспроизводства социума.

Поскольку поведение социального существа также есть взаимодействие, оно должно осуществляться по устойчивым наиндивидуальным правилам в соответствии с определенной произвольной нормой. В противном случае взаимодействие не сможет обрести системного характера и способствовать выживаемости индивида и сообщества. Взаимодействие особей одного вида предполагает также узнаваемость и предсказуемость, взаимопонятность поведения партнеров.

По словам Плюснина, «способность к индивидуальному узнаванию – имманентное свойство биологических систем уже на самых низших ступенях эволюции и на самых простейших уровнях интеграции» [1, с. 186]. Микробиолог-теоретик В.А. Энгельгардт считал узнавание наряду с иерархией и интеграцией одним из основных атрибутов жизни [2, с. 244–277]. Так как поведение осуществляется в определенной среде, оно должно находиться в соответствии с ней, более того, организм и среда – это неразделимые явления, а значит все эти условия сохраняют силу и относительно среды поведения. Ее характеристики также должны быть устойчивыми и узнаваемыми, а изменения предсказуемыми. Как отмечает ученый-биолог М.А. Шишкин: «отбор может приспособить организмы даже к крайне плохим условиям, но он бессилён там, где условия непредсказуемы» [3, с. 131]. Можно сказать поэтому, что как социальное поведение, так и социальная среда должны содержать определенные социальные константы.

Социальная среда как сфера социального взаимодействия не сводится к простой совокупности индивидуальных поведенческих реакций, она включает также средства системной организации, упорядочения поведения индивидов. Такими средствами и являются социальные константы, – объективно необходимые регуляторы поведения как взаимодействия, наличие которых обеспечивает устойчивость, предсказуемость и узнаваемость действий индивида, придавая им тем самым социальный характер. Социальная среда в узком, специальном смысле и есть система социальных констант, полагающих основания порядка взаимодействия, иначе говоря форму социальной организации индивидов. Можно сказать поэтому, что социальная среда как необходимое условие существования индивида – это не только другие сами по себе, но и определенный социальный порядок.

Примером социальной константы является язык как необходимая, устойчивая, объективная форма эмоционального взаимодействия и передачи значимой информации в рамках сообщества. Язык не случайно был назван «домом бытия», его можно назвать также «домом» социального порядка. Показательно, что уровень социализации и социальная развитость индивида, как правило, коррелируют с уровнем *владения* языком, что хорошо видно по детям, да и по взрослым. Социальными константами являются также социальные нормы. Норма есть то, что фиксирует некоторый образ действий (модель поведения) в качестве должного, необходимого для эффективности взаимодействия.

Поскольку наличие социальных констант – необходимое условие социального взаимодействия, а значит и существования индивида, они представляют собой объективные социальные ценности. В этом качестве они задают объективную ценностную меру субъективной ценностной подсистеме, определяющей приоритеты поведения конкретного индивида. Для последнего демонстрация соответствия своего поведения этой мере – обязательное условие

эффективного участия в процессе взаимодействия. Специальной формой такой демонстрации является ритуальное поведение. Оно может быть определено как поведение существенным образом *специально ориентированное на другого*. Поэтому ритуальное поведение может быть охарактеризовано как собственно социальное, направленное на приспособление не к природной, а исключительно социальной среде. В известном смысле можно сказать, что это поведение и создает, точнее, актуализирует социальную среду, что социальное предполагает ритуальное. Не случайно не существует сообщества, в котором отсутствовали бы ритуалы. Дело в том, что «ритуал всегда имеет особую социорегулятивную цель – создание поведенческого и психологического единства в сообществе» [1, с. 137]. Ритуал в этом отношении можно определить как индивидуальный или групповой поведенческий акт, имеющий целью демонстрацию соответствия поведения субъекта (субъектов) ритуала определенным социальным константам-ценностям, принятым в данном сообществе. В самом общем смысле предназначение ритуала состоит в том, чтобы поддерживать, *актуализировать* единство и различие членов сообщества, сохраняя, тем самым, основание его существования. Ритуал выступает поэтому как важнейшее средство поддержания социальной структуры, статусной дифференциации сообщества и его отличия, отграничения от других сообществ.

Один из основоположников этологии К. Лоренц отмечал, что функциональная роль ритуалов одинакова в любом сообществе, как животных, так и людей. В ритуалах и инстинктивного, и культурного происхождения проявляется «тройная функция – запрет борьбы между членами группы, сплачивание их в замкнутом сообществе и отграничение этого сообщества от других подобных групп...» [4, с. 106].

Будучи необходимыми для существования сообщества, ритуалы играют важнейшую роль в индивидуальном поведении. По словам К. Лоренца, ритуал – «активный стимул социального поведения», и более того – «и инстинктивные, и культурные ритуалы становятся автономными мотивациями поведения, потому что сами они превращаются в новую цель, достижение которой становится насущной потребностью организма» [там же, с. 102, 106]. Ученый утверждает, что в животном мире процесс ритуализации: «Создает совершенно новые инстинкты, диктующие организму свои собственные «ты должен»... так же категорично, как и любой из, казалось бы, самодержавных «больших» инстинктов голода, страха или любви» [5, с. 136]. Относительно человеческих индивидов, превращение ритуалов в «автономные мотивации поведения», хорошо иллюстрирует феномен моды, создающей ситуацию, когда, по выражению Гегеля, «удовлетворяется уже не потребность, а мнение». Здесь можно вспомнить современных модниц нередко буквально изнуряющих себя всевозможными диетами.

Лоренц подчеркивает особенно важную роль ритуалов для существования человеческого общества. «Существование любой группы людей, – пишет он, – превосходящей по своим размерам такое сообщество, члены которого могут быть связаны личной любовью и дружбой, основывается на этих трех (указанных в первом из приведенных высказываний Лоренца. – С.Г.) функциях культурно-ритуализованного поведения» [4, с. 106]. Действительно, людское сообщество должно обладать очень высокой степенью единства, интегрированности, а значит, адекватными средствами и формами поддержания собственной целостности. Такая необходимость вытекает из физиологических особенностей организма человека и специфики его воспроизводства в качестве биосоциального существа.

Дело в том, что у человека период между рождением и достижением физиологической зрелости занимает относительно длительное время. Если даже у высокоразвитых животных детеныши уже через год–два могут выжить самостоятельно, то ребенок нуждается в помощи взрослых в течение, по меньшей мере, 13–15 лет. Соответственно, если женщина рождает в первые 10 лет семейной жизни, то семья должна сохраняться в течение, по меньшей мере, 20–25 лет. Кроме того, женщина-мать нуждается в значительно более долгой и более объемной помощи со стороны, чем самка любого животного. Уже в силу этих чисто биологических причин для человеческого сообщества жизненно необходимо наличие институтов, безусловно, обеспечивающих высокую степень стабильности семьи как формы воспроизводства, и адекватную интегрированность сообщества в целом. Разумно было бы предположить, что и в структуре потребностей человеческого индивида, в его психоэмоциональной природе, заложена потребность в существовании таких институтов. Их значение принципиально возрастает, так как людьми не рождаются, а становятся. Воспроизводство человека – это, прежде всего, его социализация, воспитание, а не питание только. Соответственно, существующие в обществе институты должны обеспечивать необходимые условия не только для развития человеческого организма, но и для социализации человека, становления человеческой личности. Практически это означает необходимость наличия в обществе дополнительных и, вообще говоря, принципиально иных, по сравнению с имеющимися в животном мире, средств и форм контроля индивидуального поведения. Другими словами, инстинктивные поведенческие программы-образцы должны быть дополнены надинстинктивными программами, надбиологическими образцами-стереотипами поведения. Это тем более важно, чем менее рефлекторно обусловленными являются поведенческие реакции человека. А ведь даже чисто биологические аспекты существования последнего, как, например, потребление пищи, нуждаются в надбиологических средствах регулирования.

В «первобытных» условиях отсутствие таких средств в силу отмеченных выше особенностей человеческого организма с высокой степенью вероятности привело бы к фатальным последствиям для подрастающего поколения. Не менее важным было наличие надбиологических средств контроля за сексуальным поведением. Отсюда следует необходимость некоего надбиологического, *надприродного* (что в данном случае не может не означать сверхъестественного) основания для установления пищевых и сексуальных запретов и предписаний. Иначе говоря, для человеческого общества необходимо наличие надбиологических форм регулирования взаимоотношений между полами и поколениями. И, конечно, установление дополнительного к биологическому, естественному, надбиологического, *сверхъестественного* основания для половозрастной иерархии в сообществе в целом.

Роль такого основания в архаическом обществе играют, прежде всего, культ предков и инициация как обряд посвящения юноши в мужчину. Вообще говоря, необходимость этих первичных институтов регулирования очевидна логически, но исследования политантропологов с достаточной надежностью подтвердили ее и эмпирически [6]. Культ предков и инициация выражаются в соответствующих *ритуалах*, которые укрепляют единство сообщества, создают дополнительную, надбиологическую, экстраутилитарную мотивацию поведения и служат социализации индивидов. Социализация может быть определена как процесс и результат усвоения, интериоризации индивидом соци-

альных констант. Системная совокупность последних оказывается, таким образом, социальным «геномом» человека как *биосоциального* существа.

Форма бытия социальных констант в человеческом обществе есть традиция. Следование традиции делает возможными узнаваемость, устойчивость и предсказуемость поведения индивидов, выступая, тем самым, необходимым условием возможности взаимодействия. Традиции сущностно связаны с ритуалами, вырастают из них и ими поддерживаются. Совокупность традиций как форм регуляции, упорядочения взаимодействия индивидов составляет основу культуры как надприродной «среды обитания», «социокультурной» реальности, задающей человеку надбиологические образцы и мотивы поведения, следование которым превращает это поведение в деятельность. Культура, таким образом, оказывается специфически человеческой формой существования. В усвоении культуры, иначе говоря, освоении социокультурной реальности и заключается социализация. Поскольку социокультурная реальность не есть материальная реальность, человеческая потребность в культурной форме существования представляет собой потребность также и в духовной жизни и, соответственно, в духовных ценностях. Как пишет К. Лоренц: «закрепление традицией определенных социальных и этических установок создало новый вид сообщества индивидов, никогда ранее не бывший вид живой системы, определяющим системным свойством которой является новый вид жизни, именуемый духовной жизнью», – и о необходимости ценностного восприятия действительности, – «у человека есть ценностное восприятие, находящееся в несомненном соответствии с великим становлением мира организмов», вообще: «ценностное суждение, основанное на восприятии, является априорным в собственно кантовом смысле, т.е. логически необходимым для каждого сознательного мыслящего существа» [5, с. 397, 460]. Один из крупных психологов 20 века А. Маслоу в своей концепции потребностей утверждает, что потребность в приобщении к определенной системе ценностей столь же важна для человека, как и потребности в безопасности и самоуважении. Он выделяет такие ценности человеческого бытия, как красота, правда, справедливость, порядок, гармония. Маслоу убежден, что все они коренятся в природе человека. По его словам: «человеческое стремление к познанию и пониманию, потребность в жизненной философии и системе ценностей, желание иметь некую точку отсчета – все эти когнитивные потребности несут в себе конативное начало и являются частью нашей примитивной животной натуры», и «много пользы нам принесло бы осознание того факта, что высшие стремления и позывы являются частью биологической природы человека столь же неотъемлемой, как и потребность в пище» [7, с. 160]. Мы бы сказали, что «биологическая природа» человека такова, что, лишившись «высших позывов и стремлений», он не сможет обеспечить собственное воспроизводство. Хорошей иллюстрацией этого является депопуляция «прагматически» ориентированного современного западного общества. Действительно, из рационально-утилитарных соображений для конкретного индивида никак не следует необходимость или даже желательность продолжения рода. А силы инстинкта, как показывает практика, часто бывает недостаточно для нормальных взаимоотношений даже в случае матери и новорожденного.

А. Маслоу обстоятельно показывает необоснованность сведения потребностей человека к чисто физиологическим и специально отмечает ненаучность номиналистических, атомистических представлений о природе человека, характеризуя их как «когнитивно незрелые» и даже «психопатологические» [там же, с. 14]. Польский исследователь психики и поведения

человека К. Обуховский, обобщая полученный в ходе многолетней практической клинической работы эмпирический материал, приходит к выводу, что у человека существует «потребность смысла жизни», и «понимание смысла жизни необходимо для правильного при-способления человека» [8, с. 129]. Он дает такое определение этой потребности: «потребность смысла жизни есть, следовательно, тот факт, что без возникновения в его жизнедеятельности таких ценностей, которые он признает или может признать сообщающим смысл его жизни, он не может правильно функционировать» [там же, с. 185].

Дело в том, что человек способен к рефлексии, он, в отличие от животных, осознает, что живет и может делать собственную жизнь предметом анализа, познания. Потребность смысла жизни является ни чем иным, как разновидностью познавательной (или, широко говоря, информационной) потребности и коренится в том, что любое живое существо стремится к существованию в знакомой, предсказуемой, понятной среде. Человеку также свойственно такое стремление, поэтому то, что непонятно, необъяснимо, недоступно познанию, вызывает страх или, как минимум, желание удалиться. Избегание непонятных явлений – это поведенческая закономерность, вытекающая из адаптационной функции поведения. В случае, если таковым явлением оказывается жизнь, (а такой случай возможен для человека в силу его *природы*) неизбежной оказывается та или иная форма (и степень) избегания жизни.

Если непонятность, *абсурдность* жизненной среды возрастает, то возрастает и стремление *удалиться* от нее. В этом стремлении глубинные психологические причины таких распространенных в современном обществе явлений, как депрессия, апатия, пьянство, наркомания и, наконец, самоубийство, «уход из жизни», как говорят. Социологически это было показано Э. Дюркгеймом в его концепции аномии как мотива самоубийства.

К тому же, так как жизнь человека есть деятельность, а деятельность носит целенаправленный характер, отсутствие смысла жизни приводит к затруднениям с определением смысла и целей деятельности и, соответственно, к бездеятельности. Да и потребность в ориентации предполагает потребность в оценке значений и смыслов окружающих явлений, в определении относительного значения данного явления во всей совокупности значимых явлений, а следовательно, и потребность в осмыслении этой совокупности в целом, другими словами, в нахождении-объяснении смысла жизни.

Понять, вообще говоря, и означает установить смысл, предназначение, определить место и роль явления как элемента системы. Это касается и такого явления, как жизнь. Поэтому невозможность определить свое предназначение, свое место и роль в «этой жизни» (= в жизни общества), неудовлетворенная потребность в смысле жизни лишает стимула к ней, препятствует ориентации в жизни. И делает жизнь непонятной, то есть побуждает избегать ее. Отсутствие смысла жизни не менее фатально для человека, чем отсутствие аппетита (как известно, одно часто связано с другим, а потеря *вкуса* к жизни, обязательно сопровождается и потерей аппетита), и приводит индивида если не к саморазрушению, то к непродуктивному, а то и контрпродуктивному существованию. Так что Обуховский имел достаточные основания утверждать, что без удовлетворения потребности в смысле жизни человек «не может правильно функционировать».

Все эти рассуждения носят формальный характер, что же касается содержательного рассмотрения смысла жизни, то мы здесь отметим только одно обстоятельство. Из

того, что у человека есть потребность в смысле жизни, не следует, конечно, что в массе конкретных случаев она не может выступать в виде стремления к материальным благам, развлечениям и т.п. Однако, для человека как родового существа, необходимо наличие экстраутилитарной составляющей смысла жизни. Ближайшим образом это подтверждается как раз распространенностью в обществе, где господствуют утилитарные ценности таких явлений, как отказ от участия в воспроизводстве и производстве (жизнь на пособие или случайные заработки), наркомания, самоубийство, депрессия и т.п. Как пишет Л.Н. Митрохин: «Социально целесообразная деятельность человека возможна лишь в том случае, если ее мотивы выходят за рамки его потребностей и забот как конечного смертного существа» [9, с. 438]. Не случайно, по свидетельству антропологов и археологов, люди всегда возводили объекты неутилитарного назначения. Можно предположить поэтому, что радикальное устранение экстраутилитарных ценностей из общественного сознания и отсутствие в обществе индивидов, – носителей таких ценностей приведет последнее как минимум не только к духовной деградации, то есть, к упадку религии, искусства и философии, а значит и вообще образованности, и *мышления*, но и к депопуляции. А в принципе, для такого общества просматривается в качестве конечного состояние, схожее с гоббсовской «войной всех против всех». Но такое состояние именно противоестественно для человека, который, как можно считать установленным современной психологией и наукой о поведении, «жив не хлебом единым».

Другими словами, можно сделать вывод, что нахождение экстраутилитарных ценностей является специфической витальной потребностью человека как такового. Из этого следует, что наличие в обществе той или иной формы удовлетворения этой потребности является необходимым условием – основанием его (общества) существования. Можно сказать также, что именно специфичность данной формы в том или ином обществе и определяет, прежде всего, свойственную ему специфику форм удовлетворения других потребностей, а значит, и специфичную для него форму социальной организации в целом. Как пишет О.Ю. Артемова: «По верному замечанию Р. и К. Берндтов при характеристике культуры (в широком смысле этого слова. – С.Г.) общества исключительное значение имеет та деятельность, которую люди в массе своей совершают сверх необходимого для поддержания жизни. У аборигенов Австралии... почти вся деятельность сверх необходимого была связана с духовной культурой – религией, магией, художественным творчеством... эти сферы деятельности дали аборигенам средства выработать (следовало бы сказать, укрепить и разнообразить. – С.Г.) иерархические взаимоотношения, а также механизмы социального разграничения» [10, с. 63].

Очевидно логически и показано эмпирически, что важнейшей, естественно необходимой исходной формой утверждения «системы» надбиологических, экстраутилитарных ценностей был культ предков. Поэтому характерной формой социальной организации, обеспечивающей надлежащую устойчивость социальной структуры архаических обществ, и была освященная, сверхъестественно санкционированная культом предков половозрастная иерархия. Как известно, согласно представлениям архаического общества предки, *отойдя* в иной мир, продолжали оказывать весьма значительное влияние на жизнь человека в этом мире, то есть имели авторитет, который, поскольку ценность есть то, что имеет значение для жизнедеятельности и был важнейшей ценностью

для «первобытного» человека. Причем, ценностью, не предназначенной для непосредственного потребления, и в этом смысле экстраутилитарной. Если человек не только природное, но и духовное существо, то наряду с природной ему необходима и духовная сфера существования. А значит, он должен наделять значениями (ценить) не только чувственно-воспринимаемые, но и духовные явления. Так как человек не только духовное, но и социальное существо, необходимым условием его существования становится наличие социально значимых духовных явлений. Важнейшим среди таких явлений и был авторитет предков, который может быть назван основополагающей социальной и сакральной ценностью, фундаментом человеческой культуры и социальной организации.

Из вышеизложенного следует, что изначально социальная структура человеческого общества необходимо имеет как естественно-природное, так и сверхприродное, сакрально-ценностное основание. Необходимость такого двоякого основания обусловлена структурой потребностей человека, среди которых имеется носящая витальный характер потребность ценностного восприятия – освоения действительности. Таким образом, можно утверждать, что любая форма социальной организации, обеспечивающая воспроизводство человека и, следовательно, находящаяся в соответствии с его потребностями, необходимо имеет объективные естественные и ценностные основания. Заметим, что убедительное эмпирическое подтверждение этому предоставляет и современная действительность. Как сообщает российский ученый М.А. Шишкин, специально исследовавший взаимосвязь биологических и социальных факторов поведения человека: «специалисты, изучающие причины наблюдаемой ныне устойчивой естественной депопуляции страны, на одно из первых мест ставят утрату людьми ценностных ориентиров (подчеркнуто нами. – С.Г.) в существующих непредсказуемых условиях. Это еще одна аналогия с биологическим миром, где выживание организмов точно так же зависит от наличия определенных «правил игры» между ними и средой обитания» [3, с. 131].

Объективный характер ценностного основания социальной организации предопределен также тем, что она есть организация деятельности индивида, а «деятельность всегда регулируется определенными ценностями и целями» [11, с. 38]. Деятельность человека как сознательного разумного существа предполагает обязательное наделение значениями всех элементов, входящих в ее сферу, в каждом конкретном случае. Возможность такого наделения своим обязательным условием имеет наличие у индивида определенной системы ценностных представлений, иерархии ценностей. Если такая система будет лишена объективного основания, элементам внешней среды, входящим в сферу деятельности индивида, будут приписываться сугубо субъективные значения (в чем, собственно, и состоит помутнение сознания, расстройство психики), что необходимо приведет к дезадапционному эффекту, руководствующейся такими значениями деятельности. Это имеет силу даже для гипотетического одиночного существования, а так как деятельность есть взаимодействие, возможность сугубо произвольных ценностных представлений для индивида оказывается совершенно невыполнимой. Поскольку взаимодействие требует взаимопонятности действий, оно не может состояться, если каждый автор будет приписывать элементам ситуации исключительно свое субъективное значение и предпринимать действия, несогласующиеся с ожиданиями другого.

Взаимопонятность действий, как отмечалось, предполагает их устойчивость, узнаваемость и предсказуемость, иначе говоря, соответствие определенной нормативной

системе, наличие определенного социального порядка. Как говорит Парсонс: «Если вообще в современных науках о жизни есть какие-либо основные эмпирические обобщения, то приписывание живым системам нормативного контролируемого порядка и постулирование иерархии уровней порядка и являются, по-моему, такими в высшей степени фундаментальными обобщениями», – и далее, характеризуя суть своей концепции социального действия, – «основная теорема теории действия гласит, что структура систем действия состоит из институционализированных (в социальных и культурных системах) и/или интернализированных (в личностях и организмах) стандартов культурных значений» [12, с. 46, 48]. Поясняя свое понимание «стандартов культурных значений» как компонентов социальных систем» и условий, и мотивов деятельности человека, Парсонс пишет: «для социальных систем компоненты выступают в виде ценностей, норм, целей... для системы личности интернализированными ценностными стандартами, социальными объектами и мотивационными ориентациями (потребностными предрасположенностями) (подчеркнуто нами. – С.Г.)» [там же, с. 48].

Другими словами, можно сделать вывод, что социальная система в формальном отношении представляет собой целостную совокупность институционализированных ценностей-норм, обеспечивающих ценностно-нормативный порядок деятельности индивида. Включенность в такой порядок является необходимым условием социального действия и, соответственно, витальной потребностью человека. Ценности, таким образом, оказываются необходимым основанием и регулятивом человеческой жизнедеятельности, фундаментом социального бытия.

Л и т е р а т у р а

1. Плюснин, Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ / Ю.М. Плюснин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 237 с.
2. Энгельгардт, В.А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание / В.А. Энгельгардт // Современное естествознание и материалистическая диалектика. – М.: Наука, 1977. – С. 244–277.
3. Шишкин, М.А. Биологическая эволюция и природа нравственности / М.А. Шишкин // Общественные науки и современность, 2004.– № 1. – С. 128–139.
4. Лоренц, К. Агрессия или так называемое зло / К. Лоренц. – СПб.: Амфора, 2001. – 347 с.
5. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – М.: Республика, 1998. – 492 с.
6. Бочаров, В.В. Власть. Традиции. Управление. – М., 1992. Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993, особенно с. 71–98, 239–263. Ранние формы политической организации – М., 1995, особенно с. 132–138, 205–230. Ранние формы социальной организации. – СПб., 2000. – С. 60–79, 109–122.
7. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
8. Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – М.: Прогресс, 1972. – 247 с.
9. Религия // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3.
10. Артемова, О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации / О.Ю. Артемова // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, 1993. – С. 38–70.
11. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс, 2000. – 793 с.
12. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

Поступило 27.06.2008